

мир приключений и тайн

Мэри Шелли

Франкенштейн

Мир приключений и тайн

Мэри Шелли
Франкенштейн

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Шелли М. У.

Франкенштейн / М. У. Шелли — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», — (Мир приключений и тайн)

ISBN 978-966-14-3982-4

Задуманный и начатый в ходе творческого состязания в сочинении страшных историй на швейцарской вилле Диодати в июне 1816 года, инициированного лордом Байроном, дебютный роман английской писательницы Мэри Шелли стал одним из шедевров романтической готики и вместе с тем отправной точкой научно-фантастической традиции в прозе Нового и Новейшего времени. Отсылающая самым названием к античному мифу о Прометее, книга М. Шелли за неполные два столетия породила собственную обширную и влиятельную культурную мифологию, прирастающую все новыми героями, ситуациями и смыслами в бесчисленных подражаниях, переложениях и экранизациях. Придуманый автором книги трагический и страшный сюжет оказался открыт для различных художественных, философских и социально-политических интерпретаций, а имя и личность швейцарского ученого-экспериментатора Виктора Франкенштейна прочно соединились в современном культурном сознании с образом созданного им монстра в двуединый символ дерзновенных надежд и смертельных опасностей, сопутствующих научным исканиям и выдающимся открытиям.

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

ISBN 978-966-14-3982-4

© Шелли М. У.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Между реальностью и химерой	7
Глава 1	9
1	9
2	11
3	12
4	15
Глава 2	18
1	18
2	20
3	23
4	27
5	30
Глава 3	33
1	33
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мэри Шелли Франкенштейн

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

* * *

Между реальностью и химерой

Книга, которую вы держите в руках, – во многом уникальна. Написанная молодой девушкой холодным дождливым летом 1816 года на берегу Женевского озера, она поразила современников и со временем вошла в сокровищницу шедевров мировой литературы – и вовсе не потому, что была одним из многих «романов ужасов», которые создавались и раньше, и позже, в том числе и как подражания «Франкенштейну». Сама Мэри Шелли говорила, что то памятное лето было периодом, когда она «впервые перешагнула из детства в жизнь», а на этом рубеже юному существу порой открываются такие дали будущего и глубины человеческой души, которые недоступны более зрелым и опытным умам.

Мэри Шелли родилась в Лондоне в семье известного либерального философа, анархиста и атеиста Уильяма Годвина и одной из основательниц феминистского движения писательницы Мэри Уолстонкрафт. Ее мать умерла в родах, и овдовевший отец вскоре женился снова. Под его руководством Мэри получила блестящее образование, что для девушек того времени было большой редкостью. «Нет ничего удивительного в том, что я, дочь родителей, занимавших видное место в литературе, очень рано начала помышлять о сочинительстве, – писала она позднее. – Я марала бумагу еще в детские годы, и любимым моим развлечением было выдумывать разные истории».

С Перси Шелли, одним из величайших английских поэтов XIX века, которому в ту пору было двадцать два года, Мэри познакомилась во время его визита в книжный магазин Уильяма Годвина. Перси был женат, но несчастлив в браке, и его визиты к Годвинам участились. Летом 1814 года он и Мэри, которой только что исполнилось шестнадцать, бежали во Францию. Однако, вернувшись спустя несколько недель, влюбленные были глубоко поражены тем, что Уильям Годвин, известный своими свободными взглядами, не пожелал видеть ни дочь, ни ее избранника. Во время этой недолгой поездки Перси близко сошелся с уже знаменитым в то время поэтом Джорджем Байроном, что во многом и определило его судьбу и судьбу Мэри.

Утешением для нее стали литературный труд и пылкая любовь к Шелли, которую она пронесла через всю свою жизнь. В то время она еще не подозревала, какие разочарования и трагедии ей предстоит пережить. Перси исповедовал «свободную любовь», отрицал супружескую верность, тогда как его возлюбленная придерживалась гораздо более традиционных взглядов.

В мае 1816 года Мэри и Перси Шелли отправились в Женеву. Это лето они рассчитывали провести в обществе Джорджа Байрона. Остановившись в деревне Колоньи вблизи Женевского озера, Шелли сняли скромный дом неподалеку от виллы Байрона, на самом берегу. Молодая женщина оказалась в окружении «властителей дум» своего времени, двух крупнейших поэтов эпохи, двух причудливых и невероятно сложных характеров, каждый из которых, заметим, впоследствии отразился в ее книге. Они проводили время в творчестве – Шелли уже начал великую поэму «Освобожденный Прометей», в катании на лодках по живописному озеру и нескончаемых ночных беседах.

Однако порой дожди лили по несколько дней, не позволяя выйти из дому. В одной из таких ночных бесед речь зашла об экспериментах философа и поэта Эразма Дарвина, жившего в XVIII веке. Он был дедом выдающегося естествоиспытателя Чарлза Дарвина и создателем самобытной системы взглядов на развитие природы. Особое внимание Эразм Дарвин уделял гальванизации – так называли тогда попытки воздействия электрическим током на мертвый организм с целью его оживления. Ходили даже слухи, что ему действительно удалось оживить умершее существо. Вдобавок, сидя у камина, общество развлекалось чтением немецких рассказов о привидениях, что и натолкнуло Байрона на мысль о том, чтобы каж-

дый из присутствующих написал «сверхъестественный» рассказ. (Заранее следует сказать, что никто, кроме Мэри, не принял этого предложения всерьез.)

И той же ночью ей явилась во сне странная картина, которая и была положена в основу сюжета «Франкенштейна». «Мне привиделся бледный ученый, последователь оккультных наук, склонившийся над существом, которое он собирал воедино из разрозненных частей мертвых тел. Я увидела омерзительного фантома в человеческом облике... в котором только что проявились признаки жизни. Это было ужасающее зрелище...»

Мэри немедленно начала работу над произведением, которое поначалу должно было стать новеллой, но постепенно превратилось в роман – настолько яркий и убедительный, что человечество до сих пор поражается силе воображения писательницы, а само имя главного героя превратилось в нарицательное. Под названием «Франкенштейн, или Современный Прометей» книга была опубликована в 1818 году без указания имени автора, и лишь в издании 1831 года имя создательницы самого известного монстра в мировой литературе появилось на обложке.

Мэри Шелли была суждена не слишком долгая и не очень счастливая жизнь. Она потеряла двух детей, а в мае 1822 года Перси Шелли утонул в Средиземном море при крушении шхуны «Ариэль», на которой он возвращался из Ливорно в Специю.

С тех пор вся ее жизнь была посвящена их сыну Флоренсу, единственному, кто у нее остался. Чтобы дать ему достойное образование, Мэри неустанно зарабатывала на жизнь литературным трудом. Она занималась редактурой, составляла биографические очерки об иностранных писателях, переводила, рецензировала. Она мечтала написать биографию мужа, но аристократическая родня Шелли категорически запретила ей публиковать хоть слово о нем. В 20–30-х годах XIX века Мэри создала еще пять романов, пронизанных мучительным чувством одиночества, однако в наши дни они основательно забыты. Лишь «Франкенштейн» по-прежнему признается выдающимся памятником литературы, регулярно переиздается и переводится на множество языков.

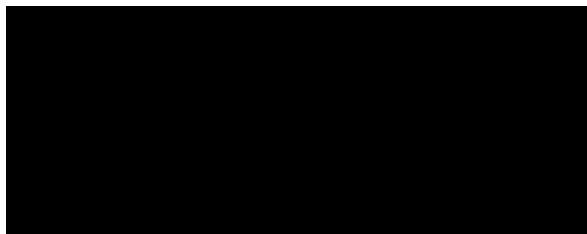
В чем же причина бессмертия этой книги, которую читатели поначалу принимали за мрачную и занимательную фантастическую повесть?

Не прочитав «Франкенштейна», невозможно составить истинное представление о причудливых путях человеческой мысли в XIX–XX веках. Идеи, положенные в его основу, оказались странным образом созвучны не только той далекой эпохе, когда создавался роман, но и нашему времени и, вероятно, тем проблемам, которые ожидают человечество в ближайшем будущем. Мэри Шелли первой в мировой литературе заговорила об ответственности творца за свое творение и предугадала неразрешимое противоречие, сопровождающее человечество на всем его пути, – вражду «презренной реальности» и «величественных химер», которые кажутся смыслом жизни до тех пор, пока не сталкиваешься с ними лицом к лицу.

Глава 1

Закованные во льдах

1

Одиннадцатого декабря 17... года я, Роберт Уолтон, прибыл из Лондона в Санкт-Петербург. Предприятие, которое должно было стать делом всей моей жизни, несмотря на мрачные предсказания друзей и знакомых, началось вполне благополучно, и я питал все больше надежд на его удачное завершение.

Сейчас я нахожусь гораздо севернее Лондона и, прогуливаясь по улицам Санкт-Петербурга, ощущаю порывы ледяного ветра, который радует меня и вселяет в мою душу бодрость. Не каждому дано понять эти чувства. Ветер, несущийся из полярных краев, куда я стремлюсь, делает мои мечты еще ярче и заманчивее.

И пусть говорят, что Северный полюс – обитель холода и смерти, в моем воображении он предстает царством красоты и покоя. В течение полугода там не заходит солнце, и его диск, едва коснувшись горизонта, продолжает излучать неугасимое сияние. Мореходы с большим опытом плаваний в полярных морях утверждают, что у полюса слабеет власть мороза и многолетних льдов, океан открывается, и по его спокойным волнам можно достичь неведомой страны¹, полной таких чудес, каких еще никто никогда не видывал. Природа этой земли и ее богатства могут оказаться столь же роскошными и диковинными, как и множество небесных явлений, которые там можно наблюдать. А чего же еще ожидать от страны вечного света!

Больше того: там я рассчитываю открыть тайну той непознанной силы, которая управляет магнитной стрелкой каждого корабельного компаса, а заодно проверить и уточнить множество астрономических наблюдений, до сих пор вызывающих сомнения ученых мужей. Полагаю, одного путешествия будет достаточно, чтобы многие противоречия получили разумное объяснение.

Словом, я смогу утолить свою жажду непознанного и пройти по земле, на которую еще никогда не ступала нога человека. А вместе с тем сумею победить страх перед опасностью и смертью, свойственный каждому из нас.

Но даже если ни одна из моих надежд не оправдается, я все равно принесу пользу человечеству тем, что проложу кратчайший северный путь в те края, в которые сегодня приходится плыть долгие месяцы.

Эти размышления успокоили меня и развеяли смутную тревогу, которая все еще шевелилась в моей душе. Ведь ничто так не укрепляет дух, как ясная цель – точка, на которую

¹ Проблема достижения Северного полюса возникла в XVII веке в связи с необходимостью найти кратчайший путь из Европы в Китай. Тогда же возникла легенда о том, что во время полярного дня в районе Северного полюса существует свободное ото льда море. Однако первым надводным кораблем, достигшим в активном плавании (17 августа 1977 г.) Северного полюса, стал советский атомный ледокол «Арктика». (Здесь и далее примеч. ред.)

направлены все наши устремления. Такая экспедиция была моей мечтой с ранней юности. Я зачитывался книгами о путешествиях, которые предпринимали отважные мореплаватели прошлого, пытавшиеся достичь северной части Тихого океана, пройдя из Европы через полярные моря. Образованием моим никто не занимался, но я рано пристрастился к чтению, а библиотека моего дядюшки Томаса состояла преимущественно из подобных книг. Я мечтал о море, и эти мечты стали еще более пламенными, когда мне стало известно, что мой отец незадолго до своей кончины строго-настрого велел дядюшке ни в коем случае не позволять мне учиться морскому делу.

Единственное, что меня утешило, хоть и ненадолго, – знакомство с поэзией. Творения великих – от Гомера до Шекспира – уносили мои душу и сердце к небесам. Я и сам принялся слагать стихи, вообразив, что и мне найдется местечко среди бессмертных творцов, и целый год пребывал в этом заблуждении. К счастью, оно быстро развеялось, хоть я и тяжело пережил это разочарование. Однако в то время я как раз унаследовал довольно крупное состояние, и мои помыслы вновь вернулись к юношеской мечте о море.

Шесть лет назад я задумал то предприятие, которое начал осуществлять сейчас. Я твердо помню ту минуту, когда решил всецело посвятить себя великой цели. И начал я с того, что принялся всячески закалять себя. Я побывал с китобоями у берегов Гренландии; я добровольно подвергал себя холоду и голоду, спал по четыре часа в сутки. Днем работал как простой матрос, а по ночам изучал математику, медицину и те области физики и астрономии, которые могут пригодиться мореходу. Освоив азы морского дела, я дважды нанимался помощником шкипера² на китобойные суда, плававшие у самой кромки вечных льдов. И наконец, пришел день, когда капитан предложил мне место первого помощника, а когда я отказался, долго уговаривал меня согласиться.

Разве после этого я не достоин совершить нечто большее? Моя жизнь могла бы пройти в покое и роскоши, но всем соблазнам я предпочел суровые испытания и возможную славу.

Сейчас стоит лучшее время года для путешествия по России. Летом дороги здесь ужасны, но теперь, пока лежит снег, легкие русские сани стремительно несутся по гладким колеям. Этот способ передвижения, по-моему, куда удобнее наших почтовых дилижансов³. Холод не страшен, если ты закутан в меха; и такой одеждой я уже обзавелся, ибо вовсе не намерен окоченеть насмерть на почтовом тракте между Петербургом и Архангельском.

В Архангельск, порт на реке Северная Двина вблизи места ее впадения в Белое море, я отправлюсь через две-три недели; там я надеюсь нанять корабль, а также набрать экипаж из матросов, знакомых с китобойным промыслом. В море я думаю выйти не раньше июня, а когда возвращусь – о том ведает только Бог: может быть, через несколько месяцев, а может, через много лет или вовсе никогда. Полярный океан хранит немало тайн, и многие судьбы нашли свой конец среди его льдов...

² Шкипер – капитан торгового или рыболовецкого судна.

³ Дилижанс – многоместный крытый экипаж, запряженный лошадьми, для перевозки почты, пассажиров и их багажа.

2

В Архангельск я прибыл двадцать восьмого марта. До чего же медленно тянется время, когда все вокруг сковано снегами и льдом! Однако я сделал ряд шагов к своей цели. Я нашел подходящий корабль и набираю экипаж; те, кого я уже нанял, кажутся мне людьми стойкими и отважными.

Мне не хватает лишь одного – надежного друга, с которым я мог бы разделить радость удачи, если она мне суждена, или горечь поражения. Именно поэтому я время от времени заново свои мысли на бумагу, но она не всегда способна передать то, что я чувствую. С горечью я ощущаю отсутствие человека, который понимал бы меня с полуслова, человека бесстрашного, с развитым и восприимчивым умом, который разделял бы мои стремления и мог бы одобрить мои планы или внести в них исправления. А я в этом остро нуждаюсь, так как порой действую слишком поспешно.

Но еще хуже то, что я не получил систематического образования: первые четырнадцать лет моей жизни я только скакал на пони по окрестным полям да зачитывался книгами из библиотеки дядюшки Томаса. Я познакомился с прославленными поэтами и отважными исследователями, но слишком поздно понял, как важно знать другие языки, кроме родного. Сейчас мне двадцать восемь лет, а я кажусь себе невежественнее иного школяра.

Впрочем, жаловаться бесполезно – в океанских просторах или даже здесь, в Архангельске, среди купцов и моряков, найти человека, который стал бы мне таким другом, едва ли удастся. Хотя, при всей внешней грубости здешних людей, им не чуждо благородство и чувство собственного достоинства. Мой помощник – человек на редкость отважный и предприимчивый; он, как и я, страстно жаждет славы и желает преуспеть в своем деле. Он англичанин и, несмотря на все предрассудки нашей нации и ее дурные черты, сохранил немало истинных человеческих качеств. Я познакомился с ним на борту китобойного судна, а когда выяснилось, что у него сейчас нет работы, мне удалось уговорить его принять участие в моей экспедиции.

Капитан также превосходный человек, особенно выделяющийся среди собратьев-мореходов ровным характером и мягкостью в обращении с экипажем. Его безупречная честность и бесстрашие не вызывают сомнений, и все эти качества образуют поистине замечательный сплав. Сам я испытываю отвращение к грубости, которую считают в порядке вещей на судах, поэтому, услышав о моряке, известном сердечной добротой и умением заставить себя уважать и слушаться, я решил во что бы то ни стало заполнить его.

Но и в этом человеке едва ли я найду того друга, которого ищу: при всех своих достоинствах наш капитан молчалив и угрюм, речь его скудна, а мысли сосредоточены только на корабельных делах.

Однако, хоть порой я жалею и мечтаю о дружеской поддержке, это не значит, что я колеблюсь и сомневаюсь в своем решении. Оно неизменно, и выход в море пока откладывается по единственной причине: к этому нас вынуждает погода. Минувшая зима была на редкость суровой, но весна обещает быть ранней и дружной; возможно, мы сможем отчалить даже раньше, чем я намечал. Тем не менее я не хочу принимать опрометчивых решений и торопить события.

При мыслях о скором отплытии я испытываю радость и тревогу. Я отправляюсь в край туманов и льдов, к неведомым землям, и хотя я трудолюбив и практичен, старателен и терпелив, в моей душе живет страстная поэтическая тяга к опасным тайнам, любовь к чудесному и вера в небывалое. Именно она ведет меня вдаль от проторенных дорог – в неведомые моря и неоткрытые страны.

3

Седьмого июля наше судно, получившее имя «Маргарет Сэйвилл» в честь моей сестры, вышло из Архангельска. Возможно, мы много лет не увидим родных берегов, возможно, даже возвращаться нам придется, огибая Азию и южную оконечность Африки, тем не менее я бодр; мои люди опытни и закалены, их не страшит плавание во льдах.

После двух недель пути мы поднялись в довольно высокие широты. Сейчас разгар арктического лета, и южные ветры быстро несут нас к цели, к которой мы стремимся. Ветры эти, хоть и не столь ласковые, как в Англии, все же приносят дыхание тепла.

За это время с нами не произошло ничего примечательного, если не считать двух-трех шквалов и небольшой пробоины в борту, образовавшейся после столкновения с плавучей льдиной. И я буду счастлив, если с нами не случится ничего более серьезного.

Хладнокровие, упорство и благоразумие – вот и все, что нам требуется, чтобы продолжать движение в глубь неизведанного океана...

Так я полагал, пока тридцать первого июля «Маргарет Сэйвилл» не вошла в область сплошных льдов. Ледовые поля сомкнулись вокруг корпуса нашего корабля, оставив лишь узкий свободный проход. Положение наше вскоре стало опасным – в особенности из-за нависшего надо льдами густого тумана. Поэтому капитан велел спустить паруса, лечь в дрейф⁴ и дожидаться перемены погоды.

Около двух часов дня туман начал рассеиваться и мы увидели простиравшиеся до горизонта обширные поля покрытого торосами⁵ льда, которым, казалось, нет конца. Матросы впали в уныние, да и сам я ощутил беспокойство; но в это время наше внимание было привлечено странным зрелищем, заставившим нас забыть о своем опасном положении.

⁴ Лечь в дрейф – поставить паруса таким образом, чтобы судно оставалось почти неподвижным.

⁵ Торос – нагромождение обломков льда.

*Мы увидели нарты, запряженные собаками...
На нартах восседало существо огромного роста.*

Примерно в полумиле⁶ от «Маргарет Сэйвилл» мы увидели нарты, запряженные собаками и мчавшиеся по направлению к северу; на нартах, управляя упряжкой с помощью шеста, восседало существо, во всем подобное человеку, но неестественно огромного роста. Мы во все глаза следили в подзорные трубы за движением саней, пока они не скрылись за торосами.

Это зрелище нас потрясло. Мы считали, что находимся на расстоянии сотен миль от ближайшей суши; но то, что мы увидели, казалось, говорило о том, что земля не так уж далека. Закованные во льды, мы не могли последовать за таинственной упряжкой, но хорошо рассмотрели и собак, и их погонщика.

Часа через два после этого поднялся ветер, началось волнение, а к ночи ледовое поле вскрылось и судно освободилось из плена. Однако мы оставались в дрейфе до самого утра, так как опасались столкнуться в сумерках с гигантскими плавучими глыбами льда, которые отрываются от ледовых полей. Я воспользовался этим временем, чтобы немного отдохнуть.

Утром, едва начало светать, я поднялся на палубу и обнаружил, что все вахтенные матросы столпились у борта и что-то выкрикивают, обращаясь к кому-то, кто находился в море. Оказывается, волны и течение прибили почти к самому кораблю большую льдину, на которой находились нарты – точь-в-точь такие же, как и те, что мы видели накануне. На льдине находился закутанный в меха человек, а от всей его упряжки уцелела лишь одна лайка. Он не выглядел туземцем с неведомых островов – наоборот, человек этот явно был европейцем, и матросы убеждали его подняться на борт «Маргарет Сэйвилл». И, как мне показалось, без особого успеха.

Как только я появился на палубе, боцман выкрикнул: «Вот идет начальник нашей экспедиции, и он не допустит, чтобы вы погибли в море!»

Когда я подошел к борту, незнакомец обратился ко мне по-английски, хотя и с заметным акцентом. «Прежде чем подняться на палубу, – проговорил он, – я прошу вас, сэр, сообщить мне, куда направляется ваш корабль».

Я изумился. Странно слышать подобный вопрос от человека, терпящего бедствие. Ведь ему полагалось бы считать встречу с нашим судном истинным даром небес. Однако я ответил, что перед ним – исследовательское судно и мы держим курс на север, стремясь максимально приблизиться к Северному полюсу.

Только услышав это, незнакомец согласился покинуть льдину и подняться на борт.

Господь всемогущий! Видели бы вы этого человека, которого вдобавок пришлось еще и уговаривать спастись. Он был жестоко обморожен и истощен до последней крайности. Печать безмерной усталости и лишений лежала на его обросшем клочковатой бородой лице. Никогда и никого я еще не видел в столь жалком состоянии. Он едва мог двигаться, и поначалу мы отнесли его в каюту, но там он вскоре потерял сознание, и пришлось вернуть его на палубу, чтобы он глотнул свежего воздуха. Там мы привели его в чувство, растерев коньяком и влив глоток-другой в его потрескавшиеся губы.

Едва незнакомец начал подавать признаки жизни, мы укутали его одеялами и уложили у теплой трубы камбуза⁷. Часом позже он смог проглотить несколько ложек горячего супа, который как будто его подкрепил.

Однако прошло еще два дня, прежде чем он смог заговорить, и я уже начал опасаться, что лишения повредили его разум. Как только он немного оправился, я велел перенести его в свою каюту и стал ухаживать за ним, когда мои обязанности на судне оставляли мне свободное время.

⁶ Примерно в 900 м; морская миля равна 1852 м.

⁷ Камбуз – кухня на судне.

4

Никогда еще я не встречал более странного человека. Когда он оставался один, взгляд его начинал дико блуждать, словно у безумца, но как только кто-нибудь приветливо обращался к нему, лицо его озарялось светлой улыбкой, словно солнечным лучом. Однако в остальное время он был мрачен и подавлен, а временами принимался скрипеть зубами, словно испытывал нестерпимую боль.

Мне стоило немалого труда сдерживать матросов, которые горели желанием расспросить спасенного о том, как и почему он оказался среди льдов. Я считал, что не стоит спешить с этим, так как тело и дух человека, перенесшего такие лишения, нуждаются в полном покое. Но однажды мой помощник все же спросил: как ему удалось совершить столь длинный переход на собаках по непрочному летнему льду?

Лицо незнакомца помрачнело, и он ответил: «Я преследовал преступника».

– А преступник тоже передвигался на собаках?

– Да.

– В таком случае мы его видели; накануне того утра, когда мы подобрали вас, мы заметили в полумиле от судна на льду собачью упряжку, а в санях – человека.

В глазах незнакомца вспыхнул огонь, и он засыпал нас вопросами о том, в каком направлении двигался «дьявол» – именно так он и назвал то существо, которое показалось нам неестественно рослым для обычного человека.

Позже, оставшись с глазу на глаз со мной, он сказал: «Я, должно быть, заставляю вас недоумевать. Но, видимо, вы слишком деликатны, чтобы расспрашивать меня».

– Я думаю, что вы не в том состоянии, когда можно было бы докучать вам расспросами. Это было бы просто жестоко.

– У вас есть это право, – заметил он. – Вы вырвали меня из смертельно опасного положения и вернули к жизни.

Затем он неожиданно спросил, не могли ли те нарты, которые мы видели, погибнуть при вскрытии ледового поля. Я ответил, что наверняка утверждать нельзя, потому что подвижки льда начались только в полночь и беглец за это время мог достичь безопасного места.

С этого дня в истощенное тело незнакомца как будто влились новые силы. Он постоянно находился на палубе, пристально следя, не мелькнет ли на горизонте силуэт того, за кем он гнался. Здоровье его явно улучшалось, но он по-прежнему был крайне молчалив и начинал беспокоиться, если по вечерам в каюте находился кто-либо, кроме меня. В остальном он был вежлив и спокоен, а матросы ему сочувствовали.

Что касается меня, то я привязался к этому человеку, и его постоянная и глубокая печаль бесконечно огорчала меня. Должно быть, он знал лучшие дни, так как даже сейчас, когда его дух был сломлен, а тело бессильно, не утратил обаяния.

Что ж, я нашел того, кто мог бы стать мне другом, если бы не тайное горе, которое язвило его душу. Он вызывал одновременно восхищение и острую жалость. Был кроток и мудр, речь его поражала беглостью, свободой, отточенностью оборотов и простотой, и стоило ему заговорить, как сразу же становилось ясно, что перед вами человек глубоко образованный и умудренный опытом.

Сейчас он почти оправился от своего недуга и по-прежнему постоянно находился на палубе. Сосредоточенность на собственном горе не мешала ему проявлять живой интерес к тому, что происходит на борту, и не раз мы с ним обсуждали маршрут и цели предпринятой мною экспедиции.

Он внимательно выслушал все мои доводы, и впервые с того дня, как я покинул Англию, я заговорил с человеком не на языке цифр и команд, а на языке сердца, поделившись тем, что переполняло мою душу. Я сказал, что охотно пожертвовал бы всем своим состоянием, да и самой жизнью ради успеха начатого дела. Что такое, в конце концов, одна человеческая жизнь? Всего лишь приемлемая плата за те новые знания, к которым я стремлюсь, за власть над холодом и мраком, исконными врагами человечества...

При этих словах мой собеседник нахмурился. Я заметил, что он пытается скрыть все нарастающее волнение – и внезапно он закрыл лицо ладонями, а из его груди вырвался глухой стон.

Я невольно умолк. И тогда незнакомец воскликнул срывающимся голосом:

– О несчастный! Значит, и вы одержимы тем же безумием? И вы отведали этого пьянящего и лишаящего рассудка напитка? Так выслушайте же меня, и вы навеки откажетесь от жестокого самообмана!..

Эти слова до предела разожгли мое любопытство; но волнение, охватившее незнакомца, оказалось слишком сильным, и понадобились долгие часы, чтобы силы его восстановились.

Как только ему удалось справиться со своими чувствами, он вновь заговорил обо мне. Прежде всего он пожелал услышать историю моей юности. Мой рассказ был краток, и я завершил его словами о том, как страстно желал бы иметь друга, родственную душу. Ибо без такого дара судьбы ни один человек не может быть счастлив.

– Это правда, – отвечал незнакомец. – Мы, люди, остаемся как бы незавершенными, пока кто-то более мудрый и достойный, чем мы сами, не подставит нам плечо, чтобы мы смогли выстоять в борьбе с нашими страстями. Мне довелось на своем веку иметь настоящего друга, поэтому я и могу судить о дружбе. Но теперь я все потерял и уже не смогу начать жизнь заново, а у вас... у вас есть надежда, весь мир перед вами, и нет причин сокрушаться и отчаиваться.

Ужасное горе, вновь отразившееся на его лице, тронуло меня до глубины души. Не произнеся больше ни слова, он удалился в отведенную ему каюту.

В дальнейшем наши краткие, но полные значения беседы показали мне, что этот человек, пусть и надломленный, умеет тонко чувствовать красоту природы и подниматься над собственными бедами. Загадочный странник, он словно вел двойную жизнь: страдал и сгибался под бременем пережитого, но, погружаясь в себя, вновь возвышался и обретал свободу, словно никогда не ведал ни горя, ни зла.

Я не раз пытался понять, какое качество отличает его от других людей, которых я знал раньше. Мне кажется, это – могучая интуиция, способность быстро и безошибочно выносить суждение, а также ясное и точное проникновение в природу вещей.

Спустя несколько дней незнакомец сказал мне:

– Вы, должно быть, догадались, мистер Уолтон, что я перенес неслыханные бедствия. Однажды я решил, что память о них сгинет вместе со мной, но вы заставили меня изменить это решение. Так же, как и я в свое время, вы стремитесь к истине и познанию, и я искренне желаю, чтобы это не обернулось для вас бедой, как это случилось со мной. Я вижу, вы идете тем же путем и подвергаете себя тем же опасностям, которые довели меня до того состояния, в котором я нахожусь. Поэтому приготовьтесь выслушать мой рассказ. Надеюсь, что вы сумеете извлечь из него то, что послужит вам опорой при успехе и утешением в неудаче. В обычной обстановке я бы заколебался – то, что вы услышите, может вызвать у вас недоверие, даже насмешку; но в этих загадочных и суровых краях многое, слишком многое кажется возможным... К тому же мое повествование содержит в самом себе доказательства своей правдивости.

Конечно, мне не терпелось услышать его рассказ, причем не только из простого любопытства, но и из желания хоть как-то помочь этому человеку. И я прямо заявил ему об этом.

Поблагодарив меня за участие, он сказал:

– Всякие усилия бесполезны, судьба моя совершилась. Я жду только одного события, после чего обрету покой. Мне понятны ваши чувства, – продолжал он, – но вы ошибаетесь; ничто на свете уже не сможет изменить мою жизнь.

Свое повествование он решил начать на следующий день, после того как я сменюсь с вахты. Отныне каждый вечер я буду записывать услышанное, стараясь как можно точнее передавать его слова.

Жду этого с нетерпением. Уже сейчас мне слышится его звучный голос, и я словно вижу перед собой блеск его печальных и ласковых глаз, выразительные жесты исхудавших рук и лицо, озаренное необычным внутренним светом.

Глава 2

Ради сотворения жизни

1

– Мое имя – Виктор Франкенштейн, – так начал свой рассказ незнакомец. – Я житель Женевы, а моя семья принадлежит к числу самых именитых и влиятельных граждан Швейцарской республики. Отец мой занимал ряд высоких должностей и пользовался глубоким уважением всех, кто его знал. Молодость его была посвящена политике и общественным делам, поэтому он поздно женился и стал супругом и отцом лишь на склоне лет.

И хотя между моими родителями была значительная разница в возрасте, это только прочнее скрепляло их союз. Отец не мыслил любви без глубокого уважения. В его чувстве к моей матери были благоговение и признательность, совсем не похожие на слепую старческую влюбленность. Все в доме подчинялось ее желаниям. Он берег мою мать Каролину, как садовник бережет редкостный цветок от всякого дуновения ветра, и окружал ее всем, что могло принести радость ее душе. На то была особая причина – в юности моей матери и ее семье довелось пережить нищету и гонения, и все эти беды расстроили ее здоровье. Поэтому отец сразу после свадьбы вышел в отставку, и они с матерью отправились в Италию, где мягкий климат и новые впечатления благотворно повлияли на ее здоровье.

Из Италии они отправились в Германию и Францию. Я родился в Неаполе и в первые годы жизни сопровождал родителей в их странствиях. Как ни были они оба привязаны друг к другу, их любви хватало и для меня. Нежные руки матери, добрый взгляд и улыбка отца – это и есть мои первые воспоминания. Я был для них маленьким божеством, посланным небесами; они держали мою судьбу в своих руках, могли сделать счастливым или несчастным, в зависимости от того, какое я получу воспитание. И с самого младенчества я постоянно получал уроки терпения, милосердия и сдержанности, но наставляли меня так мягко, что я все воспринимал с удовольствием.

На протяжении долгого времени я оставался для них единственным предметом забот, первенцем. Однако моей матери очень хотелось иметь дочь. Когда мне было пять лет, мои родители провели неделю на берегу озера Комо. Случалось, что доброта приводила их в хижины бедняков. Для моей матери с годами стало потребностью всячески помогать страждущим. И вот во время одной из прогулок они обратили внимание на убогую хижину в долине, где все говорило о крайней степени нищеты. Однажды, когда отец отправился в Милан, мать посетила ее, прихватив с собой и меня. Там жили крестьянин с женой, деля скудные крохи пропитания между пятью голодными детьми. Одна девочка привлекла внимание моей матери – среди своих братьев и сестер она казалась существом иной породы. Те были живыми, черноглазыми, смуглыми оборванцами, а эта девочка – нежной и белокурой. Ее волосы были словно из чистого золота и, несмотря на убогие лохмотья, венчали ее лоб, как корона. У нее была чистая кожа, ясные синие глаза, а все черты лица так очаровательны, что она казалась ангелом, сошедшим с небес.

Заметив, что моя мать с любопытством и удивлением смотрит на прелестную девочку, крестьянка рассказала нам ее историю. Девочка оказалась не их ребенком, а дочерью одного миланского дворянина. Мать ее была из Германии и умерла в родах. Ребенка отдали крестьянке, чтобы та выкормила младенца, – в ту пору эта семья еще не была так бедна. Отец малышки принадлежал к тем гордым итальянцам, которые стремились добиться освобож-

дения своей родины от владычества австрийцев⁸. Это его и погубило. Неизвестно, был ли он казнен как мятежник или все еще томился в австрийских застенках. Так или иначе, а его состояние было конфисковано, а дочь осталась нищей сиротой и подрастала в хижине своей кормилицы, словно садовая роза среди колючего терновника.

Вернувшись из Милана, мой отец застал в гостиной нашей виллы играющую со мной прелестную девчушку – стройную, легконогую, как серна, и словно излучающую вокруг себя свет. Узнав ее историю, он сам отправился к крестьянам и уговорил их отдать в его семью их приемыша.

Мои отец и мать любили это дитя – его появление казалось им благословением небес. Элиза Лавенца стала членом нашей семьи, моей сестрой и подругой во всех занятиях и играх. Накануне того дня, когда она должна была переселиться в наш дом, мать в шутку сказала мне: «У меня есть для Виктора замечательный подарок, завтра он его получит». Когда же наутро она представила мне девочку, я с детской серьезностью истолковал ее слова буквально и стал считать Элизу своей – порученной мне, чтобы я защищал ее, любил и заботился. Вскоре мы стали звать друг друга кузенком и кузиной, но в действительности она была мне ближе сестры и рано или поздно должна была стать моей навеки.

⁸ С конца XVIII века в Италии, северные территории которой были под властью австрийской монархии, развернулось движение за национальное освобождение и преодоление территориальной раздробленности.

2

Мы с Элизой воспитывались вместе; разница между нами составляла меньше года, а различия в характерах только сближали нас. Она была спокойнее и сдержаннее; зато я, при всей необузданности, был упорнее в занятиях и горел жадой знаний. Ее пленяли звуки поэзии; в пейзажах, окружавших наш швейцарский дом, в сменах времен года, в летних грозах и безмолвии зимы она находила неисчерпаемый источник радости. А пока моя подруга сосредоточенно любовалась красотой этого мира, я стремился понять его глубинную сущность. Мир виделся мне тайной, которую я рано или поздно должен постичь. С раннего детства во мне горело упорное стремление проникнуть в сокровенные законы природы.

Спустя семь лет в нашей семье родился второй сын, и мои родители отказались от странствий и окончательно поселились на родине. У нас был дом в Женеве и небольшое имение на восточном берегу Женевского озера, неподалеку от города. Именно там мы и жили, причем довольно уединенно.

Уже тогда я стал избегать многолюдного общества и был безразличен к школьным товарищам. Лишь с одним из них меня связывала дружба. Анри Клерваль был сыном женевского коммерсанта. Этот мальчик обладал многими талантами и живым воображением. Трудности, приключения и опасности постоянно привлекали его. Он был начитан, сочинял героические поэмы и не раз начинал писать повести, полные фантастических событий. Он заставлял нас разыгрывать пьесы и устраивал переодевания; чаще всего мы изображали персонажей «Песни о Роланде»⁹, рыцарей Круглого стола¹⁰ или воинов-крестоносцев.

Детство мое протекало безоблачно, как ни у кого. Родители мои были сама снисходительность и доброта, они дарили нам бесчисленные радости. Только насмотревшись на другие семьи, я понял, какое редкое счастье выпало на мою долю, и это только усилило мою сыновнюю любовь.

Нрав у меня был необузданный, но так уж я был устроен, что моя горячность обращалась не на детские забавы, а на познание мира. Меня не привлекали ни чужие языки, ни политика, ни история – я стремился проникнуть в тайны земли и неба, во внутреннюю сущность живого и строение человеческой души. Иными словами, меня интересовал мир физический – в самом высоком и общем смысле этого слова.

Анри Клерваль, в отличие от меня, живо интересовался жизнью общества, людскими поступками, доблестными подвигами. В мечтах он видел себя одним из тех благодетелей рода человеческого, чьи имена бережно хранит история.

Чистая душа Элизы озаряла наш мирный дом, как лампада у алтаря. Вся ее любовь была обращена на нас; ее улыбка, нежный голос и сияющий взор радовали всех вокруг. С каждым днем она открывала нам живую ценность великодушия и человечности, деятельного милосердия и добра.

Я так подробно останавливаюсь на воспоминаниях детства, потому что речь идет о событиях, которые шаг за шагом привели меня к невероятным бедствиям; подобно горной реке, они возникли из едва заметных ручейков, но, разрастаясь по пути, превратились в грозный поток, который унес прочь все мои надежды.

Естественные науки стали моей судьбой, и вот по какой причине. Однажды, когда мне было тринадцать лет, мы всей семьей отправились на купанье в окрестности городка Тонон. Но погода испортилась, и мы на весь день оказались запертыми в гостинице. Там я слу-

⁹ Средневековая французская эпическая поэма (XII век), историческую основу которой составляют легенды о походах Карла Великого. Герой поэмы – воплощение рыцарства и патриотизма.

¹⁰ Персонажи британского эпоса о короле Артуре (V–VI века) и более поздних рыцарских романов.

чайно обнаружил в шкафу томик сочинений алхимика, врача, натурфилософа и астролога Корнелия Агриппы. Я открыл его без особого интереса, но то, о чем он писал, и те удивительные факты, которые приводил, вызвали у меня восхищение. Я поспешил сообщить о своем открытии отцу. Тот небрежно взглянул на заглавный лист книги и сказал: «А, Агриппа! Дорогой Виктор, не трать даром время на все эти старые бредни».

Если бы вместо таких слов, показавшихся мне неубедительными, отец объяснил мне, что выводы этого ученого полностью опровергнуты современной наукой и заменены новыми, более близкими к жизни теориями, – я, возможно, отбросил бы Агриппу и с новым усердием вернулся бы к школьным занятиям. И мысли мои не получили бы того рокового толчка, который привел меня к гибели.

По возвращении домой я первым делом раздобыл все сочинения Агриппы Неттесгеймского, а затем труды Парацельса и Альберта Великого¹¹, королей алхимии. Их книги казались мне сокровищницами тайных знаний, никому не доступных, кроме меня. Я уже говорил, что во мне горело стремление познать сокровенные тайны природы, но даже удивительные открытия современных ученых казались мне лишь первыми робкими шагами на пути к истине. Недаром великий Исаак Ньютон признавался, что чувствует себя ребенком, собирающим ракушки и камешки на берегу неведомого океана Вселенной.

Неграмотный крестьянин каждый день сталкивался со стихиями и на собственном опыте учился узнавать их проявления. Но даже самый глубокий исследователь знал немногим больше. Он лишь слегка приоткрывал завесу тайны, окружавшей живую и неживую материю, но сама тайна оставалась неприкосновенной. Он мог классифицировать, давать названия вещам и явлениям, но ничего не знал о причинах явлений.

Я был столь же невежествен, как крестьянин, и нетерпелив, как всякий юноша, и мечтал сразу получить ответы на все вопросы. А эти книги и их авторы претендовали на то, что эти ответы им известны. Я поверил им на слово и стал их преданным учеником и последователем.

Вам, должно быть, покажется странным, что такое могло случиться не в Средние века, а в восемнадцатом столетии. Но школа в Женеве мало что давала мне по части моих любимых предметов, а отец не имел склонности к наукам о природе. Я все постигал сам, и страсть исследователя сочеталась во мне с детской наивностью. Вот почему я занялся поисками философского камня¹² и эликсира жизни. Золото, которое, по словам алхимиков, можно было получить с помощью философского камня из простых металлов, казалось мне вещью второй степени. Но какую славу могло бы принести мне открытие эликсира жизни – таинственной субстанции, способной избавить человечество от болезней и сделать его почти бессмертным!

Кроме того, великие алхимики обещали обучить меня заклинанию духов и нечистой силы; и мне страстно хотелось овладеть этим умением. Я пробовал снова и снова, и когда мои заклинания ни к чему не приводили, я приписывал это своей неопытности и ошибкам. Однако в моих наставниках, их знаниях и прозорливости я не смел усомниться.

Итак, я отдал много времени этим полузабытым учениям, путаясь в противоречивых теориях и методах, накапливая груды никому не нужных сведений и руководствуясь только своей полудетской логикой и интуицией. В конце концов неожиданный случай придал новое направление моим мыслям.

¹¹ Агриппа Неттесгеймский – ученый-алхимик, писатель, врач, натурфилософ, оккультист, астролог и адвокат, работавший в XVI веке; Парацельс – знаменитый врач и естествоиспытатель XV века; Альберт Великий – философ, теолог, ученый XIII в.

¹² В описаниях средневековых алхимиков некий реактив, необходимый для превращения металлов в золото, а также для создания эликсира жизни.

Мне шел пятнадцатый год, мы переехали в наше загородное имение возле Бельрива¹³ и там стали свидетелями на редкость сильной грозы. Она обрушилась на долину из-за горного хребта Юры¹⁴; гром чудовищной силы, казалось, гремел со всех сторон. Молнии сверкали беспрестанно. Стоя в дверях дома, я увидел короткую вспышку. Раздался сухой треск, из могучего старого дуба, росшего в тридцати шагах от дома, вырвалось пламя, затрепетал слепящий свет; когда он погас, дуб исчез, а на его месте осталась лишь обугленная нижняя часть ствола. Отправившись поутру взглянуть на то, что натворила гроза, мы увидели, что молния подействовала на дерево самым необычным образом: все оно расщепилось на узкие полоски и волокна. Еще никогда мне не приходилось видеть столь полного разрушения.

Я уже был знаком с электричеством и некоторыми его законами. К тому же в тот день в имении гостил один известный ученый, и то, что произошло с дубом, побудило его прочесть целую лекцию о природе электричества и гальванических явлений, полную вещей удивительных и совершенно новых для меня.

Агриппа Неттесгеймский, Альберт Великий и сам Парацельс мигом оказались забыты. Однако, расставшись с этими авторитетами, я потерял интерес и к обычным занятиям. Я вбил себе в голову, что никто и никогда не сумеет познать до конца даже самую простую вещь. И благодаря этому все, что так долго меня интересовало, стало казаться ничего не стоящей побрякушкой.

Такие причуды часто случаются в ранней юности. Я тут же забросил школьную учебу, объявил все отрасли наук о природе бессмысленной забавой, которой не суждено приблизиться к подлинному познанию, и погрузился в математику и смежные с нею точные науки. Теперь только они казались мне достойными внимания.

Странно устроен человек: тончайшая грань в его душе отделяет счастье и благополучие от бесповоротной гибели. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что совершившаяся во мне перемена интересов была последней попыткой сил добра отвести от меня бурю, уже собиравшуюся над моей головой. Отказавшись от алхимического бреда, я стал необыкновенно спокойным и умиротворенным. И уже тогда мне следовало бы понять, что именно здесь мое спасение.

Мой ангел-хранитель сделал все, что было в его силах. Но судьба оказалась сильнее, и ее жестокие предначертания исполнились с роковой неизбежностью.

¹³ Бельрив – городок на южном берегу Женевского Малого озера.

¹⁴ Юра – горный массив в Швейцарии и Франции.

3

Когда мне исполнилось семнадцать, родители решили отправить меня для завершения образования в Ингольштадтский университет, в Германию. Уже назначен был день моего отъезда, но еще до того, как он наступил, в моей жизни произошло первое несчастье – предвестник всего, что случилось позднее.

Элиза заболела скарлатиной. Хворала она тяжело, и жизнь ее висела на волоске. Все домашние пытались убедить мою мать остерегаться инфекции. Поначалу она как будто согласилась с нами, но, поняв, какая опасность грозит ее любимице, не смогла удержаться. Все свои силы она отдала уходу за больной, и в конце концов ее забота победила злую хворь – Элиза начала выздоравливать. Но расплата за неосторожность наступила уже на третий день. Матушка почувствовала себя плохо; затем появились самые тревожные признаки, и вскоре по лицам врачей можно было понять, что дело идет к роковому концу.

Даже на смертном одре¹⁵ мужество и смирение не изменили ей. Она сама вложила руку Элизы в мою со словами: «Дети мои, я всегда мечтала о вашем союзе. А теперь он послужит единственным утешением вашему отцу. Элиза, тебе придется заменить мать моим младшим детям. Знали бы вы, как тяжело мне расставаться с вами, с теми, кого я любила и кто любил меня...»

Кончина ее была мирной, и даже после смерти лицо моей матери сохранило кроткое выражение.

Бесполезно описывать чувства тех, у кого смерть жестоко отнимает близкого и любимого человека. И немало времени должно пройти, прежде чем рассудок убедит нас, что сиянье любимых глаз и звуки милого голоса исчезли навеки. Вот тогда-то и приходит настоящее горе. Но каким бы глубоким оно ни было, у нас остаются наши обязанности, которые волей-неволей приходится исполнять.

Отъезд мой в Ингольштадт, отложенный из-за этих скорбных событий, так или иначе должен был состояться, но я выпросил у отца несколько недель отсрочки. После смерти матери мне казалось кощунственным вновь окунуться в вихрь житейской суеты. К тому же я, впервые пережив настоящее горе, считал своим долгом утешить отца и Элизу.

Однако она сумела отважно взглянуть в лицо жизни, скрывала свою печаль и сама постаралась утешить нас – тех, кого она с детства звала дядей и братьями. Никогда Элиза еще не была так прекрасна, как тогда, когда вновь научилась улыбаться, чтобы радовать нас.

И вот наступил день моего отъезда. Клерваль провел с нами последний вечер. Он пытался добиться от своего отца разрешения отправиться вместе со мной и поступить в тот же университет, но потерпел неудачу. Отец его был туповатым дельцом и в стремлениях сына видел лишь причуду. Анри же мечтал получить высшее образование. И хотя он отмалчивался, я чувствовал, что мой друг полон решимости вырваться из домашнего плена.

Мы засиделись допоздна. Наконец «прощай» было сказано и мы разошлись. Рано поутру, еще до восхода солнца, я вышел к экипажу, в котором должен был ехать. Вслед за мной спустился отец, чтобы еще раз благословить меня, явился Анри – чтобы еще раз пожать мою руку, пришла и Элиза – чтобы повторить просьбу писать почаще и еще раз окинуть любящим женским взглядом.

Едва экипаж тронулся, как я погрузился в грустные раздумья. Постоянно окруженный близкими и милыми моему сердцу людьми, теперь я был один. В Ингольштадте мне предстояло самому искать друзей и самому прокладывать свой путь.

¹⁵ Одр – постель, ложе (устар.).

Однако вскоре я приободрился. Я всей душой стремился к знаниям. И не мог же я всю жизнь провести в четырех стенах – я просто обязан был повидать свет и найти свое место среди людей. Теперь это желание сбывалось, и сожалеть о чем-либо было нелепо.

Путь в Ингольштадт был долгим и непростым, поэтому в дороге у меня было достаточно времени для размышлений. Наконец вдали замаячили высокие белые шпили этого немецкого города, расположенного в излучине Верхнего Дуная. По прибытии меня проводили в предназначенную мне квартиру и оставили в одиночестве.

На следующее утро я вручил свои рекомендательные письма и нанес визиты некоторым из ведущих профессоров и преподавателей университета. Первым из них оказался господин Кремпе, профессор естественных наук. Это был грубоватый человек с резкими манерами, но глубокий знаток своего дела. Он поставил мне ряд вопросов, чтобы выяснить, насколько я сведущ в различных областях естествознания. Я отвечал с апломбом, упомянув алхимиков в качестве важнейших руководителей моего образования.

Профессор уставился на меня с изумлением.

– И вы в самом деле тратили свое время на всякую чепуху? – поразился он.

Я кивнул.

– Бог ты мой! – вскричал господин Кремпе. – Каждая минута, потраченная вами на эти книги, безвозвратно потеряна! Вы перегрузили свою память ложными теориями и ничего не значащими именами. Где же вы обитали, в какой пустыне, если никто не сказал вам, что эти басни, на которые вы так жадно набросились, заплесневели еще триста лет назад! Вот уж никак не ожидал, что в наш просвещенный век можно встретить ученика Альберта Великого и Парацельса!.. Ну что ж, молодой человек, придется вам начинать все ваше образование заново.

Профессор тут же составил список книг по естествознанию, которые мне следовало раздобыть, и отпустил, сообщив, что с понедельника начинает читать курс общего естествознания, а его коллега, профессор Вальдман, – лекции по химии.

Я вернулся в свое жилище разочарованным. Труды алхимиков я и сам давно считал лишены смысла, но дело в том, что и современными естественнонаучными предметами заниматься мне претило. Свою роль в этом сыграла даже внешность профессора: господин Кремпе был приземистым человечком с трескучим голосом и на редкость безобразным лицом. В моей голове царила отчаянная путаница, которую сейчас я могу объяснить только молодостью и отсутствием доброго наставника; я испытывал странное презрение к приземленности современной науки. Одно дело, когда ученый ищет разгадку тайны бессмертия и власти, и совсем другое, когда он занят анатомированием червей или моллюсков и этому посвящает всю свою жизнь.

Наука Нового времени словно специально стремилась к тому, чтобы опровергнуть именно то, что меня в ней привлекало, – она разрушала величественные, но беспочвенные теории прошлого и взамен предлагала убогую реальность.

Эти мысли не покидали меня в первые дни после прибытия в Ингольштадт, когда я знакомился с городом и своими новыми соседями. Но в начале следующей недели я вспомнил про лекции, о которых говорил профессор Кремпе. У меня не было ни малейшего желания слушать то, что будет напыщенно вещать с кафедры этот коротышка. Но ведь существовал еще и некий химик Вальдман, которого я до сих пор не видел, так как его не было в городе.

Делать мне было нечего, и, чтобы развеять скуку, я заглянул в аудиторию, куда вскоре явился Вальдман. Этот преподаватель был ни в чем не похож на своего коллегу. На вид ему было около пятидесяти, а его широкое лицо светилось добротой. Волосы на его висках уже начинали седеть, но на затылке оставались густыми и темными. Он держался совершенно прямо, был подтянут и спокоен, а такого звучного и убедительного голоса мне еще не доводилось слышать.

Свой курс профессор Вальдман начал с обзора истории химической науки и ее открытий, с почтением назвав одно за другим имена величайших ученых. За этим последовали краткий обзор современного состояния химии и разъяснение ее основных понятий и терминов. Показав несколько опытов, профессор в заключение произнес целую оду в похвалу современной химии.

– В прошлом представители нашей науки, – сказал он, – обещали невозможное, но достигли очень и очень немногого. Современные ученые обещают мало. Им известно, что трансмутация – превращение одних металлов в другие¹⁶ – невозможна, а эликсир жизни и молодости – красивая сказка. Но именно эти скептики, которые, как может показаться, изо дня в день копошатся в лабораториях и склоняются над микроскопом и тиглем с невзрачным осадком после какой-то реакции, – они-то и творят настоящие чудеса. Эти люди проникают в самые сокровенные тайники природы. Благодаря их усилиям человек поднялся в небо на воздушном шаре, узнал, из чего состоит воздух, которым мы дышим, как циркулирует в нашем теле кровь. В своих лабораториях они могут воспроизвести грозный удар молнии и даже землетрясение и уже готовы бросить вызов миру незримых мельчайших частиц, из которых состоит живая и неживая материя.

Я так ясно помню эти слова профессора, потому что они были не просто правдивы, но и несли в себе семя моей гибели. Нет, его вины тут не было. Но по мере того, как он продолжал свою речь, я чувствовал, как сказанное Вальдманом проникает в самые отдаленные уголки моей души, заставляя откликаться ее тайные струны.

Вскоре я был захвачен одной-единственной мыслью. «Если столько уже сделано, – восклицала душа Виктора Франкенштейна, – я сделаю больше, намного больше. Ступив на проторенный путь, я пройду его и открою для человечества новые горизонты, познаю еще неизведанные силы и приобщу человечество к неведомым и глубоким тайнам».

В ту ночь я ни на миг не сомкнул глаз. Моя душа буквально кипела, я чувствовал это и ждал, что из этого хаоса возникнет нечто новое, но так и не дождался.

Сон сморил меня лишь на рассвете, а когда я проснулся, во мне осталось только твердое решение вернуться к занятиям и всецело посвятить себя науке.

В тот же день я посетил профессора Вальдмана. В дружеской беседе он оказался еще более привлекательным: пафос, с которым он говорил с кафедры, сменился непринужденным дружелюбием и приветливостью. Я поведал ему о своих самостоятельных занятиях, и он внимательно выслушал мой рассказ и улыбнулся при упоминании об Агриппе Неттесгеймском и Парацельсе, но без всякого презрения и чувства превосходства. Вот что он сказал:

– Неутомимому исследовательскому рвению этих людей сразу несколько современных наук обязаны своими основами. Нашему веку досталась задача более легкая: дать новые, ясные и простые наименования открытым ими химическим процессам и систематизировать факты, впервые обнаруженные алхимиками еще во времена античности. Труд гениально одаренных людей, пусть даже идущих ложным путем, в конечном итоге всегда служит человечеству.

Выслушав это замечание, я сказал профессору, что именно его лекция избавила меня от предубеждений против современной химии. Говорил я сдержанно, с той скромностью, которая прилична начинающему в беседе с наставником, однако постарался ничем не выдать того энтузиазма, с каким рвался приняться за дело. В заключение я спросил, какими книгами мне следует обзавестись.

¹⁶ В современной физике под термином «трансмутация» понимают превращение атомов одних химических элементов в другие в результате радиоактивного распада их ядер либо ядерных реакций.

– Я рад, – отвечал Вальдман, – что обрел ученика, и если ваше прилежание, молодой человек, окажется равным вашим способностям, успех придет. Химия, как ни одна из других естественных наук, в ближайшие годы обещает выдающиеся открытия. Именно поэтому я избрал ее. Но плох тот химик, который не интересуется ничем, кроме своего предмета. Если вы стремитесь стать настоящим ученым, а не рядовым лаборантом, советую вам одновременно заняться всеми естественными науками, а заодно и математикой.

Затем он показал мне свою лабораторию и объяснил назначение различных приборов; посоветовал, какими из них мне следует обзавестись, и обещал давать в пользование собственные, когда я несколько продвинусь в науке. Наконец, получив список книг, о котором просил, я откланялся.

Так завершился этот знаменательный для меня день.

4

С того дня естествознание, и в особенности химия, стали чуть ли не единственным содержанием моей жизни. Самым внимательным образом я изучал талантливые и обстоятельные, подчас блестящие труды современных ученых. Я исправно посещал лекции и близко познакомился с профессорами Ингольштадтского университета.

Удивительное дело – даже в господине Кремпе я обнаружил острый ум и бездну знаний, которые, правда, сочетались с отталкивающей физиономией и гнусными манерами. А в лице профессора Вальдмана я обрел доброго и терпеливого друга. В его заботе обо мне не было ни грамма назойливости, свои наставления он произносил с сердечным добродушием и без всякого педантизма. Всеми известными ему средствами и способами он облегчал мне путь к знаниям, и в этом ему помогало удивительное умение сделать ясными и доступными даже самые сложные понятия. Вскоре я стал работать в лаборатории с таким рвением, что нередко серый свет приближающегося утра заставлял меня еще там.

Упорство позволило мне добиться быстрых успехов. Я удивлял студентов своим усердием, а наставников – глубиной познаний. Профессор Кремпе уже не раз с лукавой ухмылкой спрашивал меня, как поживает Корнелий Агриппа, а профессор Вальдман выражал искреннюю радость в связи с моими успехами.

Так минули два года. За это время я ни разу не был в Женеве, полностью погруженный в занятия, которые, как я мечтал, приведут меня к небывалым открытиям. Лишь те, кто испытал это сам, способны понять, как неодолимо притягательны научные исследования. Из дня в день вы открываете нечто новое, и вашему изумлению нет пределов. Поставив перед собой единственную цель и полностью посвятив себя ей, к концу второго года я внес такие усовершенствования в химической аппаратуре, которые получили признание и одобрение университетских светил.

Наконец, усвоив практически все, что могли дать мне преподаватели в Ингольштадте, я решил вернуться в родные края. Однако именно тогда произошли события, продлившие мое пребывание в университете.

Среди дисциплин, особенно занимавших меня, было строение и развитие живого организма. Где, спрашивал я себя, таится то начало, которое отделяет живое от неживого? Размышляя над этой извечной загадкой, я принялся углубленно изучать физиологию. Но для исследования истоков жизни поневоле приходится обращаться к смерти. Поэтому я самым подробным образом изучил анатомию животных и человека.

Но этого оказалось мало: мне понадобилось собственными глазами наблюдать и анализировать процесс естественного распада человеческого тела. Отец воспитал меня так, чтобы душа моя осталась свободной от страха перед сверхъестественным. Суеверные рассказы о призраках и прочих потусторонних явлениях никогда не вызывали у меня ни малейшего трепета. Я с раннего детства не боялся темноты, а в кладбищах видел всего лишь места, где покоятся тела усопших, постепенно превращающиеся в часть природы. Теперь мне предстояло изучить все этапы разложения и распада и для этого проводить дни и ночи в склепах.

В первую очередь я сосредоточился на явлениях, которые считаются наиболее отвратительными и оскорбляющими человеческие чувства. Я увидел, как цветущая красота человеческого тела превращается в прах и тлен и все, что радовало близких, становится пищей червей и жуков. Я исследовал тайну перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни – и внезапно во тьме передо мною блеснул ослепительный свет. Настолько ясный, что я мог только разводить руками и удивляться: ведь столько гениальных умов, задумывавшихся об этой тайне, прошли буквально в двух шагах мимо ее разгадки, а мне она сама далась в руки.

Еще раз говорю: то, что я рассказываю, не бред маньяка, чей разум повредился в тщетных усилиях совершить великое открытие. Сказанное мною так же истинно, как то, что солнце встает на востоке. Может быть, тут не обошлось без чуда, но путь к нему был таким же, как и у многих первооткрывателей. Ценою тяжкого труда и иступленных усилий мне удалось понять тайну зарождения жизни; больше того – теперь я знал, как оживить мертвую материю.

Меня охватили восторг и изумление. Вот он – предел мечтаний и величайшая награда для ученого. Открытие мое было ошеломляюще простым, и в эту минуту даже ход мысли, который привел меня к нему, начисто стерся в моей памяти. Теперь я помнил и видел лишь окончательный результат. Я, молодой человек, делающий в науке всего лишь первые шаги, неожиданно получил то, к чему веками стремились мудрецы. Нет, я не хочу сказать, что тайна жизни открылась мне как по мановению волшебной палочки; но то, что я понял, было надежной путеводной нитью. Я сравнивал себя с арабом из сказок «Тысячи и одной ночи», который был погребен вместе с мертвецами и внезапно увидел при свете огарка свечи выход из склепа¹⁷.

Я вижу в ваших глазах, мой друг, удивление и надежду. Вы наверняка хотели бы узнать суть моего открытия. Но этого не будет. Выслушайте меня терпеливо, и вы поймете, почему я никогда не обмолвлюсь об этом ни словом. Пусть не рассуждения, а мой печальный пример покажет вам, какие опасности таят в себе знание и стремление выйти за поставленные природой пределы.

Итак, я получил в руки небывалую власть и долго ломал голову над тем, как употребить ее. Я знал, как оживить мертвую материю, но каким образом заставить ее сформироваться в тело живого существа с его невероятно сложной системой нервов, мускулов, костей и сосудов? Задача фантастической трудности.

К тому же я все еще колебался – создать ли существо, подобное мне или вам, или более простой организм. Однако удача до того вскружила мне голову, что я твердо поверил, что смогу вдохнуть жизнь даже в человека, и больше не сомневался в успехе. Я заранее был готов к тому, что столкнусь с множеством трудностей, а результат окажется несовершенным, но рассчитывал, что моя попытка станет как минимум фундаментом для будущих успехов.

С этими дерзкими мыслями и намерениями я принялся за сотворение человеческого существа, но вскоре отказался от первоначального замысла и решил создать гиганта около восьми футов¹⁸ ростом и соответствующего росту мощного сложения. Потратив несколько месяцев на сбор необходимых материалов и закупку химических реактивов, я вплотную принялся за дело.

Словами не передать вихрь необыкновенно сложных чувств, увлекавших меня в те дни, как вихрь. Должно быть, я был опьянен своей удачей. Мне предстояло первым из современников преодолеть границы жизни и смерти. Новая раса человечества будет благословлять меня как своего творца, множество счастливых и совершенных существ будут обязаны мне жизнью. И далее я принимался рассуждать о том, что, поскольку я научился оживлять неживую материю, то со временем найду способ возвращать жизнь телам умерших, давая им вторую жизнь. Правда, сейчас мне это еще не было доступно, но кто знает...

Эти мысли словно подхлестывали меня, пока я изо дня в день с головой погружался в работу. Я исхудал от затворнической жизни, лицо мое покрывала землистая бледность. Случалось, что я терпел неудачу в считанных мгновениях от успеха, но твердо верил, что великий час недалек. Тайна, которой на всей Земле владел я один, стала смыслом моего существования, и ей я отдал всего себя. Даже ночами при лунном свете я рылся в могильной

¹⁷ Склеп – наземное или подземное помещение, предназначенное для захоронения умерших.

¹⁸ Около 2 м 40 см.

плесени или рассекал ланцетом тела животных – и все это ради того, чтобы вдохнуть жизнь в неживое.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, меня начинает бить дрожь, а глаза застилает мгла. Но тогда какое-то исступление толкало меня вперед и вперед. Словно я лишился всех присущих человеку чувств, кроме тех, которые были необходимы для достижения моей цели.

Свою лабораторию я устроил в уединенной мансарде¹⁹, отделенной от всех остальных помещений дома галереей и лестницей. Бойня и анатомический театр²⁰ поставляли мне значительную часть материалов; порой я содрогался от отвращения к тому, с чем мне приходилось иметь дело, но, подгоняемый нетерпением, упрямо вел работу к завершению.

Я и не заметил, как миновало лето, – одно из самых прекрасных, какие доводилось видеть жителям Южной Германии. Никогда еще поля не приносили столь обильной жатвы, а виноградники – таких тяжелых гроздьев. Однако красоты природы меня не занимали. Одержимость, сделавшая меня равнодушным к миру, заставила меня позабыть не только окрестные пейзажи, но и близких и друзей, которых я не видел так давно. Разумеется, я сознавал, что мое упорное молчание их тревожит, и все же не мог оторваться от того, что поглотило меня целиком. Я словно откладывал все, что было связано с близкими, до завершения моего великого труда.

Полагаю, что отец объяснял себе мое молчание и отсутствие ленью и разгульной студенческой жизнью. В этом он был неправ, но так или иначе у него были основания подозревать нечто дурное. Гармоничный и счастливый человек всегда сохраняет присутствие духа и не позволяет страстям сбивать его с пути. Труд ученого не является исключением. Если ваши исследования заставляют вас жертвовать человеческими привязанностями и простыми радостями, то в этих исследованиях наверняка есть то, что недостойно человека.

В своих письмах отец не упрекал меня и лишь подробней, чем прежде, интересовался моими занятиями. Так прошли зима, весна и лето, а я был по-прежнему поглощен работой. Деревья утратили листву, прежде чем я ее завершил, но теперь я ежедневно получал подтверждения того, что успех невероятно близок.

Однако к моему восторгу примешивалась и тревога. С каждым днем я все больше походил на истощенного раба, прикованного к веслу на галере, чем на творца, занятого созиданием. По ночам меня лихорадило, а нервы мои были натянуты, как струны. Я вздрагивал от малейшего шороха и избегал людей, словно преступник, мучимый совестью. Порой мне казалось, что я превращаюсь в развалину, но труд мой шел к концу, и я надеялся, что успею завершить его до того, как болезнь окончательно лишит меня сил.

¹⁹ Мансарда – чердачное помещение под крутой с изломом крышей, используемое для жилья и хозяйственных целей.

²⁰ Анатомический театр – помещение для анатомических работ, исследований и чтения лекций.

5

Поздней осенью в одну из ненастных ночей я завершил свой труд. Преодолевая мучительное волнение, я подготовил все, что было необходимо, чтобы зажечь и раздуть в моем творении искру жизни. А тем временем бесчувственное создание лежало у моих ног.

Час назад колокол на башне городской ратуши пробил полночь. Холодный дождь стучал в оконное стекло, свеча почти догорела. И вдруг в ее трепещущем свете я увидел, как приоткрылись тусклые и желтые, как латунь, глаза, появились признаки дыхания, и мышцы сотворенного мной гиганта начали судорожно подрагивать.

Зрелище было поистине ужасающим. Я стремился к тому, чтобы все части тела и лица моего создания были красивы и соразмерны. Но праведный Боже, насколько результат отличался от того, что я себе представлял! Желтая кожа слишком туго обтягивала его мускулы – настолько туго, что сквозь нее явственно была видна вся сеть сосудов. Длинные темные, блестящие волосы и белоснежные зубы создавали жуткий контраст с водянистыми глазами, глубоко сидящими в глазницах, и черной щелью широкого, почти беззубого рта.

Я самоотверженно трудился почти два года, чтобы вдохнуть жизнь в бездыханное тело. Я пожертвовал ради этого покоем, житейскими радостями, здоровьем. Но теперь, когда результат был налицо и мечта превратилась в жестокую реальность, сердце мое наполнилось ужасом и отвращением. Я бросился прочь из лаборатории и долго мерил шагами свою спальню, понимая, что в эту ночь мне едва ли удастся уснуть.

Наконец усталость взяла верх над мучительным смятением моих чувств. Не раздеваясь, я рухнул на постель, мечтая забыться хотя бы ненадолго. Но это не помогло, лишь спустя несколько часов мне удалось задремать, и в этой полудремоте мне явилось кошмарное видение. Моя Элиза, прекрасная и цветущая, как майская роза, шла по одной из улиц Ингольштадта. Я бросился к ней и с восхищением обнял, но едва успел коснуться губами губ своей невесты, как они похолодели, черты лица Элизы начали стремительно меняться. Уже в следующее мгновение я держал в объятиях труп моей матери, окутанный смертным саваном, вдыхая запах тления и могилы.

Я проснулся, с ног до головы покрытый холодным потом. Зубы мои стучали, тело гнули и ломали судороги, сознание мутилось. И тут в мутном свете луны, проникавшем сквозь щель в шторах, я увидел омерзительного уродца, сотворенного моими руками. Он стоял, приподняв полог кровати; глаза его были устремлены прямо на меня. Беззубый рот двигался, издавая нечленораздельные звуки, а временами растягивался в жутком подобии улыбки.

Он протянул руку, словно пытался схватить меня, но я вырвался, увернулся от него, выскочил из спальни и бросился вниз по лестнице, ведущей во двор дома. Остаток ночи я провел во дворе, забившись в дальний угол, прислушиваясь и пугаясь любого звука, который мог означать приближение чудовищного монстра, которого я наделил жизнью.

Я не преувеличиваю – на это существо нельзя было смотреть без содрогания. Даже египетская мумия, чудом возвращенная к жизни, не могла бы оказаться ужаснее и отвратительнее. Я видел свое творение неподвижным, еще не оконченным, лежащим на лабораторном столе, но и тогда его безобразие бросалось в глаза. Когда же его мускулы и суставы наполнились движением, получилось нечто настолько страшное, что даже фантазия средневековых художников, изображавших силы ада, казалась рядом с ним бледной и вымученной.

Я провел кошмарную ночь. Временами мой пульс бился так часто и сильно, что я опасался разрыва сердца, а порой едва не лишался сознания от слабости. К моему страху приешивалась горечь разочарования – то, о чем я так страстно мечтал, превратилось для меня в нескончаемое мучение, и с этим ничего невозможно было поделать!

Когда наконец-то забрезжил свет наступающего дня, угрюмого и ненастного, я взглянул на башню ингольштадтской ратуши – часы показывали шесть. Глаза мои горели от бессонницы. Привратник отпер ворота двора, служившего мне в ту ночь убежищем; я вышел на улицу и торопливо зашагал, озираясь на каждом углу, словно пытался избежать крайне нежелательной для меня встречи. Вернуться домой я не решался; какая-то сила гнала и гнала меня вперед, несмотря на то, что вскоре я промок до костей от дождя, безостановочно хлеставшего с мрачного, как драпировка катафалка, неба.

Так я ходил долгое время, пытаюсь хотя бы энергичным движением облегчить душевные мучения. Я миновал улицу за улицей, не всегда понимая, где нахожусь и как сюда попал. Сердце мое то трепетало, то замирало, а шаги становились все более неровными.

Наконец я добрался до постоянного двора – туда обычно прибывали почтовые кареты. Там я остановился, сам не зная почему, уставившись неподвижным взглядом на карету, показавшуюся в дальнем конце улицы. Как только карета приблизилась, я понял, что это дилижанс из Швейцарии. Он остановился рядом со мной, дверцы распахнулись, и оттуда выскочил не кто иной, как Анри Клерваль.

– Виктор, дорогой мой! – воскликнул он. – До чего же я рад тебя видеть! Какая удача, что ты оказался здесь и мне не пришлось тебя разыскивать по всему Ингольштадту!

Не берусь передать радость, которую я испытал при виде друга. Одно его присутствие напомнило мне об отце, Элизе, младших братьях, о милых сердцу радостях домашнего очага. Сжимая Анри в объятиях, я на миг позабыл весь свой ужас, и впервые за много месяцев душа моя наполнилась светлой и безмятежной радостью. Я от чистого сердца приветствовал друга, и мы рука об руку направились к моему дому. Клерваль без умолку рассказывал о наших общих друзьях и радовался, что ему наконец-то было разрешено приехать в Ингольштадт.

– Ты и вообразить не можешь, – говорил он, – как трудно было убедить моего отца, что далеко не все необходимые человечеству знания заключены в пособиях по ведению бухгалтерских книг. Думаю, что и после всех моих усилий он не вполне поверил мне, потому что на все мои просьбы из месяца в месяц отвечал одно и то же: «Я зарабатываю десять тысяч флоринов в год – без греческого языка; и ем-пью без всякого греческого языка. Зачем же мне греческий язык?» Однако любовь ко мне все-таки оказалась сильнее его ненависти к наукам, и он разрешил мне отправиться в поход за знаниями.

– Я бесконечно рад тебя видеть, но скажи же скорей, как поживают мой отец, младшие братья и Элиза?

– Они здоровы, и все у них обстоит благополучно. Тревожит их только одно: ты слишком редко даешь им знать о себе. Да я и сам хотел бы укорить тебя за это, но... – Анри внезапно остановился, пристально взглянул в мое лицо и продолжал: – Но, мой дорогой Франкенштейн, я только сейчас заметил, что выглядишь ты совершенно больным, исхудавшим и изможденным. А глаза у тебя налиты кровью, словно ты не спал неделю подряд.

– Ты прав. Я слишком напряженно занимался одним экспериментом и не мог позволить себе ни минуты отдыха. Теперь все кончено и я свободен.

При этих словах внутренняя дрожь снова вернулась ко мне. Я не смел даже подумать, не то что рассказать другу о событиях злосчастной прошлой ночи. Вместо этого я прибавил шаг, и мы скоро оказались у моего дома.

Только здесь я понял – и эта мысль пронзила меня ледяным холодом, – что существо, оставшееся у меня в лаборатории, могло все еще находиться там. Я боялся чудовища, но еще больше боялся, что его увидит Анри. Пришлось попросить его немного подождать внизу. Я торопливо поднялся по лестнице, моя рука уже коснулась дверной ручки – однако я невольно застыл на месте. Холодная дрожь пронизала меня насквозь. Наконец я рывком распахнул дверь – за ней никого не оказалось. Гостиная была пуста, не было ужасного гостя и в спальне.

Я едва решался поверить в это, но когда окончательно убедился, что мой враг исчез, сломя голову кинулся вниз за Клервалем.

Мы поднялись ко мне, и вскоре слуга из соседнего трактира подал нам завтрак. При этом я был просто не в состоянии сдерживать охватившую меня дикую радость. Все мое тело дрожало от возбуждения, сердце бешено билось, я не мог ни минуты усидеть на месте: перепрыгивал через стулья, хлопал в ладоши, неестественно хохотал. Поначалу Анри приписывал эти странности неудержимой радости, вызванной нашей встречей, но, приглядевшись внимательнее, заметил в моих глазах искры безумия, а мой хохот показался ему истерическим.

– Виктор, дорогой мой, – воскликнул он, – скажи, ради Бога, что с тобой происходит? Ты явно болен, и я хочу понять, в чем причина твоего состояния?

– Даже не спрашивай, – глухо произнес я, закрыв лицо руками. Мне почудилось, что огромное страшное существо снова тенью проскользнуло в комнату. Сейчас оно поведает Клервалю обо всем... – Друг мой, спаси меня, спаси!.. – больше не владея собой, отчаянно закричал я, и мне почудилось, что чудовище схватило меня. Я стал из последних сил отбиваться от призрака и, охваченный судорогами, рухнул на пол.

Бедняга Анри! Что он должен был чувствовать в эту минуту! Встреча, которой он ждал с такой радостью, обернулась бедой. Но сам я не мог ничего этого сознавать. Я лежал без памяти, и прошло много, очень много времени, прежде чем сознание начало возвращаться ко мне.

Глава 3

Смерть в Женеве

1

То был первый приступ нервной горячки, на несколько месяцев приковавшей меня к постели. Все это время Анри Клерваль был моей верной сиделкой. Щадя здоровье моего отца, которому дальняя дорога была не под силу, и зная, как моя тяжелая болезнь огорчит Элизу, он скрыл от них серьезность моего положения. Он твердо надеялся на мое скорое выздоровление и знал, что никто не сумеет ухаживать за мной так, как он.

Однако болезнь моя оказалась намного более серьезной, чем казалось поначалу, и только самоотверженность и целеустремленность моего верного друга помогли мне вернуться к жизни. День за днем в лихорадочном бреду мне являлось созданное мною чудовище, и я вел с ним длинные беседы. Эти речи и предметы, к которым они относились, поразили Анри. Поначалу он принял их за бессмысленный бред, но я снова и снова со страшным упорством возвращался к одной и той же теме, и в конце концов это убедило моего друга в том, что причиной моей болезни является некое странное, выходящее за пределы обыденной реальности событие или происшествие.

Мои рассудок и телесное здоровье восстанавливались мучительно медленно – болезнь возвращалась не раз и не два, принося глубокое огорчение моему преданному другу. Но я хорошо помню минуту, когда вновь вернулся в реальность; я обвел глазами комнату, с удовольствием узнавая знакомые предметы, и вдруг заметил, что на деревьях за окном вместо осенних листьев распускается клейкая весенняя листва.

Весна и в самом деле стояла волшебная, и ее животворное дыхание во многом способствовало моему исцелению. Я чувствовал, что возрождается не только природа, но и мое сердце, которое наполнялось любовью и давно позабытой радостью. Я стряхнул с себя сосредоточенную мрачность и угрюмость и вскоре стал так же весел и беззаботен, как в ту пору, когда моей души еще не коснулось зловещее дыхание роковой страсти.

– Анри, дорогой мой, – воскликнул я, – как ты бесконечно добр! Какая у тебя щедрая душа! Ведь ты собирался посвятить всю эту зиму наукам, а вместо того просидел у постели больного. Как мне отблагодарить тебя? И смею ли я надеяться, что ты простишь мне те неприятности, которые я невольно причинил тебе?

– Ты сможешь отблагодарить меня лишь в том случае, если не станешь ни о чем тревожиться и как можно скорее поднимешься на ноги. А коль скоро ты пришел в себя и в хорошем расположении духа, могу ли я расспросить тебя кое о чем?

Я вздрогнул. Расспросы? Неужели Анри хочет заговорить о том, о чем я не решался даже думать?

– Не волнуйся, – проговорил мой друг, заметив, как я переменялся в лице, – я не стану упоминать о том, что так тебя волнует. Я просто хотел сказать, что твой отец и кузина будут рады получить письмо, написанное твоей рукой. Они до сих пор не знают, насколько тяжело ты хворал, и безумно встревожены твоим молчанием.

– И только-то, Анри? Это и было моей первой мыслью, едва я пришел в себя, – о них, тех, кого я люблю и кто так достоин этой любви!

– В таком случае, друг мой, тебя наверняка обрадует письмо, которое дожидается тебя уже несколько дней. Оно написано рукой твоей кузины.

С этими словами Клерваль протянул мне письмо, действительно написанное моей Элизой. Вот оно:

«Дорогой кузен! Я знаю, что ты был болен, и даже письма доброго Анри Клерваля не могли меня успокоить. Он писал, что из-за переутомления врачи запретили тебе браться за перо, но даже одного слова от тебя, милый Виктор, будет достаточно, чтобы рассеять наши опасения. Я жду твоего письма с каждой почтой и постоянно отговариваю дядю от поездки в Ингольштадт. Столь длинный путь для него вреден и опасен, но как часто я сама жалела о том, что не могу пуститься в это путешествие! Должно быть, уход за тобой поручен какой-нибудь престарелой сиделке, которая не знает тебя и твоих желаний, не умеет исполнять их так сердечно и внимательно, как забытая тобою бедная кузина. Но, кажется, все уже позади; и Анри пишет, что тебе гораздо лучше. Искренне надеюсь, что вскоре ты сам сообщишь нам об этом.

Выздоровливай – и, не раздумывая, возвращайся к нам, в Женеву. Здесь тебя всегда ждет тепло домашнего очага и любящие близкие. Отец твой бодр, и все, что ему требуется, – увидеть тебя и воочию убедиться, что твой недуг позади. А как ты порадуетесь, глядя на нашего Эрнеста! Ведь ему уже шестнадцать, и он, как настоящий швейцарец, всей душой стремится поступить на военную службу при одном из европейских дворов. Но до твоего возвращения мы не в силах с ним расстаться. Дядя не одобряет военной службы в чужих странах, но ведь у Эрнеста никогда не было тяги к наукам, и учеба для него – тяжелое бремя. Все свое время он проводит на воздухе: то в горах, то на озере.

С тех пор как ты покинул нас, здесь мало что изменилось, разве что подросли твои младшие братья. Моя жизнь проходит в мелких хлопотах по дому, но в них и мое развлечение, а наградой за все усилия служат довольные лица наших домочадцев.

За время твоего отсутствия в нашей небольшой семье произошла одна перемена. Ты, верно, не забыл, как в нашем доме появилась Жюстина Мориц. А если нет – я вкратце напомню тебе ее историю. Ее матушка осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Жюстина была третьей среди них по возрасту. Девочка была любимицей покойного отца, но мать недолго любила ее, а после смерти мужа стала обращаться с Жюстиной холодно и порой даже жестоко. Примерно в ту пору, когда Жюстине было лет двенадцать, моя тетушка, а твоя мать заметила эту странность и уговорила госпожу Мориц отдать девочку на воспитание в нашу семью. Жюстина была только рада и, оказавшись в нашем доме, добровольно взяла на себя обязанности служанки, а вскоре стала всеобщей любимицей.

Это удивительный, бесконечно обаятельный и жизнерадостный характер. Ты и сам был глубоко привязан к ней и, помнится, сказал однажды, что одного взгляда Жюстины достаточно, чтобы рассеять дурное настроение у кого угодно, а ее открытое и всегда сияющее лицо буквально покоряет того, кто видит его впервые. Моя тетя крепко привязалась к девушке и дала ей хорошее образование. Жюстина оказалась благодарной душой; она никогда не выражала признательность своей благодетельнице на словах, но в ее глазах всегда светилась благоговейная любовь к твоей матери. Ветреная и веселая от природы, девушка видела в ней недостижимый образец и стремилась подражать ее речи и манерам. Неудивительно, что иной раз Жюстина так живо напоминает мне ее.

Когда твою мать унесла жестокая болезнь, все мы так глубоко погрузились в свою горе, что не обращали внимания на бедняжку Жюстину, которая самоотверженно ухаживала за ней все это время. Она и сама вскоре тяжело заболела, но ее ждали и другие тяжкие испытания.

Вскоре один за другим умерли оба ее брата и сестра, и престарелая мать Жюстины оказалась в полном одиночестве. Единственным близким для нее человеком осталась дочь, которую в свое время она не любила и жестоко тиранила. Теперь же госпожу Мориц начали

мучить угрызения совести, и в конце концов она решила, что смерть троих детей стала карой свыше за ее несправедливость. Истовая католичка, она обратилась к своему духовнику, и тот, очевидно, помог ей окончательно утвердиться в этой мысли. Именно поэтому через несколько месяцев после твоего отъезда в Ингольштадт госпожа Мориц, полная раскаяния, призвала к себе Жюстину.

Бедная девушка заливалась слезами, покидая наш дом! После смерти тетушки она очень переменялась; горе лишило ее прежней смешливой живости, и на ее место явилась поразительная, подкупающая кротость. Да и жизнь под материнским кровом оказалась далеко не радостной. Раскаяние ее матери, женщины истеричной и суеверной, было шатким: в иные дни она умоляла Жюстину простить ей прошлую несправедливость, но чаще на девушку сыпались обвинения в том, что именно она стала причиной смерти своей сестры и братьев. Нескончаемое раздражение привело госпожу Мориц к болезни, и от этого ее характер стал еще более тяжелым.

К счастью для дочери, хоть и грешно так говорить, вскоре она успокоилась навеки. Мать Жюстины умерла в начале прошлой зимы, едва ударили холода. Девушка без промедления вернулась к нам, и это просто счастье, потому что я люблю ее всем сердцем. Она наделена от природы глубоким и ясным умом, добра и необыкновенно хороша собой. К тому же, как я уже говорила, многое в ее манере говорить, держаться и вести себя с другими постоянно напоминает мне мою дорогую тетушку.

Не удержусь, дорогой кузен, чтобы не сказать хотя бы несколько слов о нашем милом маленьком Уильяме. Видел бы ты его сейчас! Он очень рослый для своих лет; у него удивительные синие глаза, густые ресницы и темные кудри. От улыбки на обеих его румяных щечках появляются ямочки, и у него уже было несколько маленьких «невест» среди пятилетних соседских девчушек.

Наверняка ты был бы не прочь узнать, как поживают наши женевские соседи. Известная тебе юная и весьма хорошенькая мисс Мэнсфилд уже принимает поздравления по случаю ее предстоящей свадьбы с молодым англичанином по имени Джон Мэлберн. Ее сестра Манон вышла осенью за богатого банкира Дювилара. Твой школьный приятель Луи Мануар после отъезда Анри Клерваля потерпел целый ряд любовных неудач, хотя, как говорят, уже утешился и готов жениться на симпатичной и бойкой француженке мадам Тавернье. Она не так давно овдовела и значительно старше Луи, но у нее масса поклонников.

Описывая все это, дорогой кузен, я и сама немного позабавилась, но теперь, когда мое письмо близко к завершению, снова испытываю тревогу. Напиши нам, Виктор. Одна строчка, одно слово будет для нас огромной радостью. Я молюсь за Анри, за его доброту и заботу о тебе, за его частые письма. Мы благодарны ему от всей души. Прощай, милый кузен, береги себя и пиши, пиши нам, умоляю тебя!

Элиза Лавенца»

– Милая, милая моя Элиза! – воскликнул я, прочитав это письмо. – Надо без промедления написать им и рассеять их тревоги и сомнения.

Так я и поступил, но, написав домой, почувствовал сильнейшую усталость, не меньшую, чем пахарь после дня работы в поле. Однако мое выздоровление уже началось и шло необычайно быстро. Спустя две недели я уже мог выходить и прогуливаться вместе с Анри Клервалем по улицам Ингольштадта.

2

После того как я вновь оказался на ногах, первым своим долгом я посчитал представить Анри Клерваля тем из университетских профессоров, с которыми был хорошо знаком. Однако эта, казалось бы, простая обязанность принесла мне немало неприятных минут. Неловкие слова и упоминания о моих достоинствах начинающего исследователя растрavляли мои душевные раны. Вдобавок с той роковой ночи, когда я завершил свой труд и ступил на тропу бедствий, я не мог без содрогания даже слышать слова «естественные науки». Один вид химических приборов и лабораторных помещений вызывал у меня все признаки нервного расстройства.

Заметив это, Анри убрал подальше все мои приборы и инструменты и поместил меня в другую комнату. Но все его усилия пошли прахом, как только мы отправились с визитами к профессорам. Вальдман причинил мне адские мучения, принявшись поздравлять меня с удивительными успехами в химии. Однако в силу своей деликатности он быстро заметил, что эта тема мне не по душе, и, полагая, что виной тому моя скромность, поспешил повернуть разговор в другом направлении. Со свойственной ему горячностью профессор заговорил о самой науке, как бы предоставляя возможность и мне блеснуть своими познаниями.

Если б он мог знать, что, рассчитывая доставить мне удовольствие, на самом деле терзал и мучил меня, словно палач, который раскладывает перед осужденным орудия пытки, чтобы затем предать его медленной и неотвратимой казни. Я корчился от его слов, как на огне, но старался не подать виду.

Анри, всегда внимательный к чувствам других людей, тотчас заметил мое состояние и предложил переменить тему, сославшись на свое полное невежество в подобных вопросах. Мы заговорили об университетском распорядке и ингольштадтских нравах, и я мысленно поблагодарил друга.

У меня была еще одна причина испытывать к нему благодарность: несмотря на странности в моем поведении и то, что ему довелось услышать от меня, когда я бредил в горячке, Клерваль ни разу не попытался выведать мою тайну. Сам же я, хоть и любил его, страшился воскресить в памяти и на словах то, что в столь ужасающем виде являлось моему воображению.

С профессором Кремпе, бахвалом, грубияном и крикуном, было совсем скверно: его похвалы, сдобренные простонародными словечками, для моих обнаженных нервов были еще мучительнее, чем спокойная доброжелательность Вальдмана. «И откуда взялся на наши головы этот чертов парень! – вопил он. – Известно ли вам, господин Клерваль, что он всех нас, старых лабораторных крыс, заткнул за пояс? Сушая правда, говорю вам! Мальчишка, который еще три года назад преклонялся перед смехотворными бреднями Агриппы Неттесгеймского! Он еще всем нам покажет, на что способен. Да уж, спору нет, – продолжал он, заметив мой страдальческий взгляд, – господин Франкенштейн у нас скромняга. Это превосходное качество для молодого человека; в юности я и сам отличался скромностью, да только ненадолго ее хватило».

Тут профессор принялся восхвалять себя, а мою персону, к счастью, оставил в покое.

Анри Клерваль никогда не испытывал склонности к естественным наукам. Его интересы были, скорее, филологическими. Как и многие молодые люди, он грешил стихами, а в университет рвался, чтобы овладеть восточными языками и подготовиться к той карьере, о которой мечтал. Все его помыслы были обращены на Восток, где Анри видел широкое поле деятельности для дипломата и негоцианта²¹. Его интересовали персидский и арабский

²¹ Негоциант – оптовый купец, ведущий крупные торговые дела, главным образом с другими странами.

языки, а также древний санскрит, и он без труда убедил меня присоединиться к нему в его штудиях²².

В силу особенностей моего характера, безделье всегда было для меня худшим из наказаний. Поэтому, возненавидев естественные науки и пытаясь отвлечься от тягостных мыслей, я вместе со своим другом с наслаждением погрузился в сочинения арабских и индийских авторов, где нашел немало полезного и важного для себя. В отличие от Клерваля, я не углублялся в доскональное изучение восточных языков, ибо не ставил для себя никаких целей, кроме развлечения для ума. Я читал арабских и персидских поэтов, и их строки день ото дня исцеляли мою измученную душу. Как они были не похожи на мужественную и полную героизма поэзию Древней Греции и Рима! Их грусть умиротворяла, а в радости жизнь представлялась цветущим розовым садом, полным солнечного света, улыбок, лукавых взглядов и любовного огня.

Так прошло лето; той же осенью я предполагал вернуться в Женеву; но произошли некоторые задержки, рано наступила зима, выпал снег, дороги стали почти непроезжими, и мой отъезд был отложен до весны. Я досадовал на свою нерасторопность, потому что мне уже не терпелось увидеть родные края и лица близких, но поначалу я не хотел оставлять Анри одного в чужом городе, пока он не приобретет в университете надежных друзей.

Долгую зиму мы провели не без пользы, а запоздавшая весна оказалась на редкость дружной и полной прелести. С наступлением мая я стал со дня на день ожидать письма, с которым связывал дату отъезда домой. Как раз в это время Анри предложил мне отправиться в длительную пешеходную экскурсию по окрестностям Ингольштадта. Я с радостью согласился, так как любил длинные пешие переходы, а до́ма, в окрестностях Женевского озера, Клерваль был моим постоянным спутником в таких прогулках.

Мы провели две недели, странствуя по Восточным Альпам, и с каждым днем мои бодрость и здоровье прибывали; хрустально чистый воздух, новые впечатления и постоянные беседы с другом еще более укрепили мою душу. То, чем я занимался в прошлом, сделало меня почти отшельником и отдалило от людей. Анри заново учил меня постигать красоту природы и радоваться невинным детским лицам.

Мой друг, которого я никогда не забуду, обладал высокой и чистой душой и шаг за шагом словно поднимал меня из бездны моего падения до своих высот. Его забота и привязанность согрели мое сердце, и я снова стал тем человеком, который некогда всех любил, всеми был любим и не знал ни горестей, ни печалей. Весна в тот год и в самом деле была дивной; весенние цветы цвели на живых изгородях, летние готовились к буйному цветению. Ясное небо и зеленеющие поля наполняли меня восторгом. Я наконец-то смог отдохнуть от мрачных мыслей, угнетавших меня всю зиму, несмотря на все мои попытки избавиться от них.

Анри радовался вместе со мной. В те дни он переживал подлинное вдохновение, его переполняли чувства. Иногда, подражая средневековым персидским и арабским авторам, он принимался сочинять целые повести, полные блеска воображения и бурных страстей. А чаще читал стихи, которых помнил великое множество, или затевал спор о науке и искусстве, отстаивая свою правоту необычайно тонкими и остроумными доводами.

²² Штудия – научное исследование (устар., шутил.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.